

Глава 34 (Часть 1)

Ноябрь принес в Италию долгожданную прохладу.

Прежнее знойное марево, в котором под палящим солнцем плавилась чувства, сменилось сиротливым запустением, принесенным резким ветром. Цинь Су стоял у панорамного окна на двадцать первом этаже отеля, глядя на серо-голубое небо и яркие фасады европейских зданий. В пейзаже, продиктованном капризным средиземноморским климатом, сквозило странное противоречие между былой страстью и нынешним увяданием.

Прошло уже три месяца.

Цинь Су невольно нахмурился, но так и не решился нажать на кнопку быстрого набора — номер, который он знал назубок, остался нетронутым.

Этой ночью ему приснился сон.

В нем были резные балки, расписные карнизы и ослепительное величие императорских покоев. Пейзажи расплывались, но Цинь Су отчетливо сознавал: он — император. Словно сторонний наблюдатель, он видел себя в церемониальных одеждах. В этом облике не было привычной строгости деловых костюмов, лишь ледяное, почти осязаемое величие.

Но в этом дворце царил леденящее одиночество.

Цинь Су видел, как он — тот, другой «он» — отправляется на аудиенции, возвращается и неизменно идет в незнакомые покои. На ложе там покоился до боли знакомый человек.

Это был Чи Юй. Его спутник.

В реальности они не виделись месяц и уже три месяца не разговаривали по-человечески. Каждая их встреча превращалась в череду взаимных упреков и ссор; едва завидев друг друга, они инстинктивно скидывали щиты, замирая в оборонительных позах. Но здесь, в туманном мареве сна, Цинь Су смотрел на бледное лицо человека, лежащего на монаршем ложе, и на себя самого — застывшего у изголовья с нечитаемым выражением лица. Он вдруг понял, что уже вечность не видел Чи Юя таким умиротворенным.

Хронология снов всегда причудлива.

Цинь Су наблюдал за суровым распорядком императора и его регулярными визитами к спящему Чи Юю. Как звали его слуги? Императрица? Генерал Чи? Достойные титулы. Правитель и его супруг — разве не идеальный союз? Но он почему-то точно знал: в этом сне он еще не любит Чи Юя. Тот просто... необходим ему.

Он стал свидетелем пробуждения Чи Юя.

В тот миг, когда взгляд пленника обрел ясность и устремился на императора, Цинь Су почудилось, будто Чи Юй смотрит сквозь призрачного монарха прямо на него, настоящего.

В этом сне Чи Юй казался гораздо слабее и мягче.

Цинь Су признал это с затаенной горечью. Покладистый, вежливый, почти покорный Чи Юй — от этого образа в груди разливалась тягучая тоска.

Цинь Су не мог изменить ход сновидения. Это противоречило всякой логике, ведь сны — лишь тени подсознания, но он мог только наблюдать. Видеть, как император везет Чи Юя в поместье князя Ци, как тот блистает при дворе, а затем... признание, фестиваль фонарей.

Когда в ночном небе распустились бутоны фейерверков, Цинь Су медленно открыл глаза.

Сознание неохотно вынырнуло из глубины сна. Он замер, уставившись в потолок гостиничного номера.

Он знал о Чи Юе уже очень давно.

Цинь И никогда не был образцовым братом: затянувшийся переходный возраст, вечная нерешительность и склонность пасовать в самые ответственные моменты. Цинь Су часто думал: «Раз уж вскружил человеку голову, имей смелость не бросать его на полпути». Из-за метаний брата их многолетний союз превратился в нелепый фарс.

Именно поэтому при первой же личной встрече Цинь Су присмотрелся к Чи Юю внимательнее.

Брат описывал его как высокомерного гения, чье превосходство давило на окружающих, но Цинь Су увидел иное. На приеме перед ним предстал человек, безусловно владеющий искусством светской беседы, за чьей мягкостью скрывался глубокий ум и недюжинная воля. В его прямой осанке и твердом взгляде читалась та самая гордость, которую не смогли сломить обстоятельства.

Люди меняются. И пока его младший брат год за годом оставался всё тем же незрелым юнцом, господин Чи превратился в личность поистине выдающуюся.

Семейная жизнь родителей Цинь Су была трагедией. Две мачехи и бесконечные любовницы отца — никто из них не отличался благородством. Это оставило глубокий след: женщины перестали интересовать Цинь Су совершенно.

В отличие от брата-бисексуала, Цинь Су был убежденным геем.

И когда Чи Юй впервые коснулся его, Цинь Су, ко всеобщему удивлению, осознал, что возбужден. Он не привык отказывать себе в желаниях, а потому просто и властно подчинил этого человека себе.

Их двусмысленные отношения тянулись долго. Цинь Су быстро понял: сердце Чи Юя заковано в броню. Рана, нанесенная его братом, оказалась не такой глубокой, как ожидалось. Это была не «бессердечность», а скорее холодная отстраненность. Таких людей почти невозможно заставить впустить кого-то в душу, но если уж они это сделают, черту назад не провести.

Даже уходя без предупреждения, Чи Юй всё еще помнил о Цинь И. И даже в моменты высшей близости его взгляд оставался кристально ясным.

Откинув одеяло, он поднялся.

Он налил стакан теплой воды и встал у окна, привычно разглядывая город. То же небо, та же Италия, застывшая в противоречивом порыве осеннего ветра. Город, ставший почти родным, теперь казался исполненным печали.

Цинь Су тяжело выдохнул.

Он достал телефон и набрал сообщение:

«Нам нужно серьезно поговорить».

Три года назад он обманом заманил Чи Юя в самолет, летящий на Аляску, где в скромной церкви они обменялись клятвами. Цинь Су до сих пор помнил площадь Белых Голубей и ту фотографию — две переплетенные ладони.

Он и сам не заметил, как этот человек стал его воздухом, его наваждением. Помнил только, как косой луч солнца коснулся лица Чи Юя, и этот отблеск в уголках его глаз — мимолетный, сияющий — врезался в память на всю жизнь.

На всю жизнь.

Как странно звучит.

Он, человек, не веривший ни во что, вдруг стал надеяться на это «навсегда».

Своему отцу он однажды сказал:

— Пусть больницей управляет Цинь И. Мне она не нужна.

— Ты всё ещё ненавидишь меня, — ответил тот.

— Это здесь ни при чем.

Просто так он мог гарантировать, что Цинь И задержится за границей еще на несколько лет.

Цинь Су понимал, что поступает подло. Знал, что это отравит их отношения с Чи Юем, если правда всплывет. Но он не мог совладать с собой. Его собственничество переросло в болезнь. Люди, приставленные к Чи Юю под предлогом охраны, на деле были надзирателями. Он осознавал: это патология.

Он никогда не интересовался шоу-бизнесом, но влез и туда. Почти десять лет он управлял теневыми структурами материнской семьи и привык к абсолютному контролю. Когда он заявил, что намерен занять долю на медиарынке, никто не посмел возразить — связи криминального мира и индустрии развлечений всегда были слишком тесными.

Цинь Су знал: настанет день, и они столкнутся лбами из-за того, что он натворил.

Но остановиться было выше его сил.

Так утопающий мертвой хваткой вцепляется в последнюю соломинку.

Чи Юй был слишком холоден. Он никогда не мог до конца понять, о чем тот думает.

«Брат, ты гораздо невыносимее меня».

«Не лезь не в свое дело, Цинь И. Тебя это не касается».

«Как это не касается? По-твоему, уводить чужих партнеров — это нормально?»

«Цинь И, забудь к нему дорогу».

Это было неправильно. Цинь Су признавал это в глубине души.

Поэтому, когда разразился скандал, он лишь горько вздохнул про себя. Некоторые вещи не подлежат компромиссу. Некоторые проблемы нельзя просто вычеркнуть. Цинь Су знал, насколько дорог ему Чи Юй, и потому эта холодная война выматывала его, лишала воли.

Он бежал. От проблем, от самого себя.

Цинь Су презирал себя за эту слабость.

Но тот Чи Юй из сна... покорный, слабый, тихий — неужели это то, чего он действительно желал?

Тот Чи Юй, который месяц назад смотрел на него с ледяным презрением, был куда более живым.

Впрочем, к чему пустые размышления.

<http://bllate.org/book/17538/1707082>